

12. Афанасьева В. В., Пилипенко Е. А. Онтология времени // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2014. Т. 4, вып. 24. С. 6–14.
13. Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопр. философии. 1989. № 8. С. 3–19.
14. Пилипенко Е. А. Время : постнеклассическая онтология // Изв. Сарат. гос. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 53–58.

Time in the Philosophy of Postmodernism

E. A. Pilipenko

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: e.pilipenko@bk.ru

The purpose of this work is to analyze philosophers' postmodernists existing concepts of time. It is shown, that in the philosophical postmodernism there are no uniform conceptions about time, in view of the fact that philosophy of postmodernism is not present a uniform holistic totality of views. Brief retrospective of philosophical conceptions about time is constructed (J. Delez J. Derrida). It is shown, that the time in philosophical postmodernism always thoughts as a property of consciousness: it does not unfold in reality; it is just comprehended indirectly through the sign, difference, tradition, memory or culture horizon. The important role of present, which "absorbs" past and future and becomes self-sufficient by this, is distinguished. It is shown, that the time is no longer thought objective, universal property of the world, it's considered as an immanent consciousness, which is subjective and specific. It is shown, that the uncertainty of ontological properties of time is related to the emergency complexity of it as a phenomenon, which is guaranteed with the most modern natural scientific results.

Key words: time, postmodern philosophy, deconstruction, consciousness, discernment, trace, sign, text.

References

1. Rudnev V. *Slovar kultury XX veka* (A dictionary of twentieth-century culture). Moscow, 2001. 608 p.
2. Baudrillard J. *Simulacres et simulation*. Paris, 1981. 358 p. (Russ. ed.: *Bodriyar Zh. Simvolicheskiy obmen i smert*. Moscow, 2000. 387 p.).

3. Derrida J. *V Moskve: dekonstruktsiya puteshestviya* (Derrida J. In Moscow: the deconstruction of a journey). Moscow, 1993. 199 p.
4. Derrida J. *La voix et le phenomene*. Paris, 1967. 166 p. (Russ. ed.: Derrida Zh. *Golos i fenomen i drugie raboty po teorii znaka Gusserlyya*. St.-Petersburg, 1999. 208 p.).
5. Derrida J. *Donner les temps* (Presentation of Time). Paris, 1991. 232 p.
6. Deleuze G. *Logique du sens*. Paris, 1969. 392 p. (Russ. ed.: Delez Zh. *Logica smysla*. Per s fr. Ya. I. Svirskogo. Moscow, 1998. 480 p.).
7. Derrida J. *De la grammatologie*. Paris, 1967. 360 p. (Russ. ed.: Derrida Zh. *O grammatologii*. Per s fr. i vstup. st. N. Avtonomovoy. Moscow, 2000. 512 p.).
8. Derrida J. *Leécriture et la difference*. Paris, 1967. 445 p. (Russ. ed.: Derrida Zh. *Pismo i razlichie*. Per s fr. D. Kralechkina. Moscow, 2007. 495 p.).
9. Aurelius M. *The Meditations*. London, 1871. 204 p. (Russ. ed.: Aurelius M. *Naedine s soboy. Razmyshleniya*. Per. s drevnegrech. A.V. Dobrovolskogo s prim. B. B. Lobanovskogo. Cherkassy, 1993. 224 p.).
10. Borges J. L. *La Escritura del Dios*. Buenos-Aires, 1949. 12 p. (Russ. ed.: Borkhes Kh. L. Pismena Bogu. *Tsiklichesкое время*. Moscow, 1992, pp. 92–96).
11. Andrade de Silva J. L., Loshak J. *Quanta*. New York, 1969. 256 p. (Russ. ed.: Andrade de Silva Zh. L., LoShak Zh. *Polya, chastitsy, kvanty*. Predisl. L. de Broyllya. Moscow, 1972. 189 p.).
12. Afanaseva V. V., Pilipenko E. A. Ontologiya vremeni (Ontology of time). *Vestn. Volgograd. gos. un-ta. Ser. 7. Filosofiya. Sotsiologiya I sotsialnye tekhnologii* (Science Journal of Volgograd State University. Ser. 7. Philosophy. Sociology and Social Technologies), 2014, vol. 4, iss. 24, pp. 6–14.
13. Prigozhin I. Pereotkrytie vremeni (Reopening of time). *Voprosy Filosofii* (Voprosy Filosofii), 1989, no. 8, pp. 3–19.
14. Pilipenko E. A. Vremya: postneklassicheskaya ontologiya (Time: postneclassic ontology). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2015. Vol. 15, iss. 1, pp. 53–58.

УДК 168.522

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ И ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ ВЫЗОВ

Попов Денис Александрович –

кандидат философских наук, доцент кафедры этики и эстетики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: pvden@yandex.ru

В статье рассматривается влияние ситуации постмодерна на развитие гуманитарных дисциплин в начале XXI в. Отмечается, что исходный тезис постмодерна о бесконечной вариативности текстов оказывается угрозой для научного статуса истории, филологии, социально-экономических наук, которые лишаются возможности достоверно устанавливать истинное содержание исследуемых текстов. Выделяются различные стратегии, ко-

торые применяются гуманитарными науками для сохранения своего научного статуса: консервация прежнего методологического аппарата, частичная адаптация постмодернистских идей, ответная критика постмодернистского мировоззрения. Автор приходит к выводу, что все они являются неудовлетворительными и в настоящее время продолжается разрушение научного гуманитарного знания. Возможной стратегией противостояния

постмодерну является отказ от ориентации на критерии строгой научности и превращение истории и филологии в деятельность, напоминающую художественную.

Ключевые слова: гуманитарные науки, постмодернизм, методология, научность, сциентизм, эпистемологические проблемы.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-1-35-39

Ситуация постмодерна со второй половины XX в. приобрела общекультурный характер и, как следствие, затронула все области культурной деятельности, в том числе и гуманитарное знание. Лежащие в основе постмодернистского мировидения идеи постструктурализма о бесконечной вариативности текстовых интерпретаций, зародившиеся первоначально в области чистой философии, неизбежно ставили под сомнение саму возможность научной работы с текстами с целью установления содержащейся в них и за ними «истины». Поскольку прочтение текста изначально есть субъективный произвол читателя и текст не содержит в себе никакого знания, кроме того, что вкладывается в него интерпретатором, говорить о его «научном» изучении бессмысленно.

Разрушительность постструктуралистских идей для любых наук, работающих с текстами, очевидна. Признание правоты постструктурализма означает фактическую ликвидацию и филологии, и истории, основывающих свои выводы на прочтении источников, и дисциплин социально-экономического цикла, также интерпретирующих разнообразные текстовые данные. Тем самым неизбежным становилось столкновение постструктуралистской философии и гуманитарных дисциплин, отстаивающих свою научность. Реакция научного гуманитарного знания на постмодернистский вызов и неизбежная трансформация этого знания под влиянием постмодернистских идей и станет предметом анализа в нашей работе.

Проникновение постструктуралистских идей из философии в науку началось в XX в. постепенно, поскольку «нормальная наука обычно держится от творческой философии на почтительном расстоянии» [1, с. 125]. Ученые, как правило, снисходительно относятся к философским идеям, считая их чем-то умозрительным, ненадежным и противопоставляя им строгость и обоснованность научных выводов. Однако демонстрируемая наукой независимость от философии является мнимой, так как философия, с одной стороны, играет роль методологии по отношению к науке, с другой – обосновывает саму возможность научного знания. Неисполнение философией этой функции, философские со-

мнения в науке неизбежно подрывают позиции последней. Эта уязвимость науки перед философией обнаружилась в ситуации постмодерна с предельной очевидностью.

К середине XX в. увлечение сциентизмом в культуре заметно пошло на спад. В естествознании закончилось время великих открытий, связанных с теорией относительности и квантовой механикой, одновременно стало очевидным, что в гуманитарном знании за прошедшие сто лет после своего возникновения позитивистский проект «социальных и гуманитарных наук» не достиг заметных успехов. Тем временем внутри самой философии начались процессы, развитие которых угрожало подорвать господствующий статус науки в культуре.

С одной стороны, структурализм, в середине XX в. доминировавший в качестве философской и методологической основы научных исследований текстов, начал осознавать свою ограниченность и перерастать в постструктурализм, отказывавшийся от поиска неких объективных структур, определяющих текст. Структуры, ранее воплощавшие собой «научность» и «объективность», получили статус произвольных интерпретаций, выделяемых исследователем по своему усмотрению.

С другой стороны, не менее опасный для науки процесс развивался в рамках постпозитивистской философии науки. Исследователи, принадлежавшие этому направлению (К. Поппер, Т. Кун, И. Лакатос), стремились установить строгие критерии «научности» с целью разделения действительно научного знания и его имитаций. Однако чем дальше, тем больше философы науки обнаруживали ее зависимость от социальных или даже просто субъективных факторов, а также размытость, неопределенность границ между «наукой» и «ненаукой».

Стремясь спасти критерии строгой научности, философия науки второй половины XX в. выводила за ее пределы все, что не укладывалось в жесткие рамки требований строгой научной эпистемологии, в том числе «за скобками» оказались и гуманитарные дисциплины, не соответствующие образу идеальной науки. Так, К. Поппер категорически отказывал истории в праве на создание научных теорий: «возможны только исторические интерпретации, и ни одна из них не является окончательной» [2, с. 310]. Таким образом, гуманитарные дисциплины испытывали натиск с двух сторон: и со стороны постструктурализма, субъективирующего процесс взаимодействия текста и исследователя, и со стороны философии науки, отказавшей им в научном статусе.

Особенно острая ситуация сложилась в отечественных гуманитарных науках: до 1990-х гг. марксизм исполнял роль своеобразной защитной стены, скрывавшей от ученых начавшиеся процессы деконструкции научного знания на Западе, теперь же отечественные науки внезапно оказались лицом к лицу со всем комплексом эпистемологических проблем, порожденным постмодерном. Как следствие, в это время в отечественной научной среде начались постоянные дискуссии о статусе гуманитарного знания в новой ситуации.

Суть обсуждаемых проблем сводилась в основном к следующим вопросам: должны или не должны гуманитарные дисциплины поддаваться постмодернистскому импульсу? Если должны, то до какой степени? А если их задача состоит в том, чтобы противостоять ему, на что они могли бы опереться в своем противостоянии?

Надо отметить, что опасности, вносимые постмодерном, были осознаны в России далеко не сразу. Первоначально в нем увидели нечто вроде новой научной теории, способной оживить развитие гуманитарных наук. Концепции симулякра или деконструкции, стратегии Йельской школы рассматривались как новый инструмент научного познания, еще один комплекс теоретических наработок, способных «гуманизировать» науку, и лишь позднее была осознана их принципиально антисциентистская направленность.

Потенциальная утрата научного статуса гуманитарными дисциплинами стала решающим фактором начала активного сопротивления исследователей постмодерну. Утрата «научности» кажется многим невыносимой и невозможной, и именно ее защита является, к примеру, главной целью Н. С. Автономовой, отстаивающей структуралистские принципы в филологии [3]. Более того, при анализе постмодерна оценки его противников становятся крайне эмоциональными. Так, А. А. Пелипенко называет постмодернистскую культуру владениями голого короля и противопоставляет ей попытки «разобраться, что к чему», т. е. прежний идеал научного «знания» противопоставляется постмодернистской «интерпретации» [4, с. 286].

Однако чрезмерно яркая эмоциональная реакция, как представляется, скрывает настоящую растерянность. А что смогли гуманитарные науки за прошедшие два с половиной десятилетия противопоставить постмодернистскому натиску?

Сопротивление гуманитарных наук выразилось, прежде всего, в преданности прежним исследовательским программам: марксизму, психоанализу и структурализму. Но каждая из них к началу XXI в. оказалась в глубоком кризисе,

ни одна в данный момент не может похвастаться «научной легитимизацией». Их основания в ходе углубленной и последовательной критики признаны «ненаучными», следовательно, для продолжения их использования в качестве научной методологии необходимо повторное обоснование, а такое обоснование отсутствует.

Попытки выработать некие новые альтернативные теории, описывающие гуманитарную реальность, успеха не имели: каждая из них оказывалась востребованной лишь ее автором, а все вместе они парадоксальным образом укрепляли позиции постмодерна, утверждающего бесконечные вариативные возможности в создании такого рода объясняющих схем. Ф. Анкерсмит, анализируя современное состояние исторической науки, отметил, что «быстрое умножение теорий привело нас к этапу, когда теория не закрепляет, а лишь способствует растворению субъекта <...> мы живем в эпоху, когда, по-видимому, каждый ученый располагает собственной эпистемологической моделью» [5, с. 430].

Другая стратегия защиты, избранная представителями гуманитарных наук, заключалась в поиске некоего компромисса между прежними научными представлениями и постмодернистской системой идей. За постмодернизмом признавалась определенная правота, но радикализм его выводов отвергался, и постулировался некий «третий» путь, равноудаленный и от идеала строгой научности, и от постмодернистского произвола. Такая позиция заявлена, к примеру, известным западным медиевистом Г. Спигел [6], позднее её стали разделять многие другие авторы [7, с. 90].

К сожалению, проект «теории среднего плана» не приобрел каких-то конкретных черт. Хотя сама по себе идея компромисса кажется привлекательной, остается непонятным, на каких основаниях он мог бы быть достигнут. Постмодернистское видение мира абсолютно самодостаточно, оно не нуждается в компромиссах и не подразумевает их. Мы либо признаем релятивность знака, либо не признаем, какой-либо компромисс в данном случае вряд ли возможен. Малоперспективными выглядели и попытки обратиться к родственным дисциплинам за методологической «помощью», поскольку все они при ближайшем рассмотрении оказываются под давлением «постмодернистского вызова».

Тем временем, пока методологи безуспешно пытались найти способ заново обосновать «научность» гуманитарного знания, постмодернистские стратегии начали проникать во все дисциплины социально-гуманитарного цикла. Так, в филологии с приходом постмодернизма

начала утверждаться концепция «диалогизма», основателем которой принято считать М. Бахтина. Исследования Бахтина не были востребованы в момент их создания, в период господства идеалов строгой научности, но интерес к ним пробудился тогда, когда диалогизм превратился в один из инструментов деконструкции текста. Сам диалогизм, как признает Н. С. Автономова [3, с. 146], подразумевает внесение в текст субъективной интерпретации, что мало совместимо с его научным исследованием. Другим примером постмодернистского влияния в филологии может служить Йельская американская критическая школа, взявшая на вооружение деконструкцию как метод исследования классических текстов с целью обнаружения в них новых возможных прочтений.

История, в свою очередь, все в большей степени превращается в «литературу», в «роман о прошлом». Работа Х. Уайта «Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века» заставила увидеть в исторических сочинениях не науку, а работу воображения, использующего ассоциации и мифологическое мышление [8].

Не лучше обстоят дела и в общественных науках: социологи констатируют, что «эра всеобъемлющих социальных теорий, которые могли бы дать рациональные ответы на многочисленные иррациональные вызовы <...> закончилась. Ожидать разработку теорий в духе Маркса, Дюркгейма или Парсонса ныне не приходится» [9, с. 172]. В свою очередь экономисты всерьез обсуждают эрозию экономической науки под влиянием постмодерна [10].

Подводя итоги, следует признать тот факт, что в обозримом будущем обосновать научный статус гуманитарных дисциплин вряд ли удастся. Наука – часть культуры, она эволюционирует в русле общих тенденций ее развития, и, в первую очередь, влияние на ее статус оказывают процессы, идущие в философии. Ситуация постмодерна губительна для «научного» гуманитарного знания, но чтобы произошли обратные изменения, необходимы радикальная смена культурного климата, завершение ситуации постмодерна или возвращение сциентизма как былого увлечения наукой. В настоящее время даже в естествознании, считающемся эталоном научности, крепнет тенденция к субъективности и неопределенности, что не оставляет надежд на возвращение прежних идеалов «научности».

Однако есть ли на самом деле повод для пессимизма? Должны ли гуманитарные дисциплины непременно быть науками? Не является ли сам этот идеал ложным, навязанным общей волной сциентизации культуры XIX–XX вв.?

В течение долгого времени история считалась «учительницей жизни», а не наукой. Никто не сомневается в том, что Геродот или Плутарх – историки, но для них занятия историей были поиском мудрости и литературным творчеством, а не установлением научной объективности. В возвращении к этому отринутому идеалу, возможно, и заключается путь эволюции истории как дисциплины. Об этом писал уже К. Поппер, когда заявлял что «история не имеет смысла, мы можем придать ей смысл» [2, с. 320], интерпретировав ее в духе тех ценностей, которые для нас важны. В настоящее время близкой позиции придерживается К.-У. Гумбрехт, когда заявляет, что «вместо метода и точности гуманитарные науки должны <...> поощрять плодотворное применение воображения» [11, с. 14] и способствовать развитию «рискованного мышления».

В еще большей степени сказанное относится к филологии, которая превращается в уникальный опыт прочтения текста, без притязаний на обнаружение в этом опыте «абсолютных» и общеобязательных истин. Отказ от равнений на стандарты строгой научности, таким образом, может стать для гуманитарных дисциплин не крушением, а способом радикальной трансформации, превращения в деятельность, близкую художественной, при сохранении за ними познавательной функции, но без ее стандартизации по «научным» образцам.

Список литературы

1. Кун Т. Структура научных революций. М., 2003. 605 с.
2. Поппер К. Открытое общество и его враги : в 2 т. М., 1992. Т. 2. 528 с.
3. Автономова Н. С. Открытая структура : Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. М., 2009. 503 с.
4. Пелипенко А. А. Искусство в зеркале культурологии. СПб., 2009. 318 с.
5. Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт. М., 2007. 612 с.
6. Spiegel G. M. Hystory and post-modernism // Past and Present. 1992. Vol. 135. P. 194–208.
7. Гусева И. И. Стратегии исторического исследования : философско-эпистемологический анализ. Саратов, 2006. 110 с.
8. Уайт Х. Метаистория : историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002. 528 с.
9. Кравченко С. А. Социология модерна и постмодерна в динамически меняющемся мире. М., 2007. 264 с.
10. Экономическая теория в XXI веке – 1(8) : Экономика Постмодерна. М., 2004. 752 с.
11. Гумбрехт К.-У. Ледяные объятия «научности», или Почему гуманитарным наукам предпочтительнее быть «Humanities and Arts» // Новое литературное обозрение. 2006. № 81. С. 7–17.

Humanities and Postmodernist Challenge

D. A. Popov

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: pvden@yandex.ru

The paper deals with the influence of the postmodern condition on the development of the humanities in the beginning of the 21st century. The paper points out that the original thesis of postmodernity about the infinite variability of texts poses a threat to the scientific status of history, philology, socio-economic sciences, which are denied the possibility to reliably determine the true content of the texts being explored. There are different strategies that the humanities use to preserve their scientific status: conservation of a previous methodological apparatus, partial adaptation of postmodern ideas, response criticism of a postmodernist world view. The author comes to the conclusion that all of them are unsatisfactory, and the destruction of scientific humanistic knowledge is currently continuing. A promising strategy of opposing postmodernity is to renounce a rigorous commitment to scientific criteria and to transform history and philology into an activity that is similar to an artistic one.

Key words: humanities, postmodernism, methodology, scientific, scientism, epistemological problems.

References

1. Kuhn T. S. *The structure of scientific revolutions*. Chicago, 1962. 172 p. (Russ. ed.: Kun T. *Struktura nauchnykh revolyutsiy*. Moscow, 2003. 605 p.).
2. Popper K. *The open society and its enemies: in 2 vol.* London, 1945. Vol. 2. 352 p. (Russ. ed.: Popper K. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi: v 2 t.* Moscow, 1992. T. 2. 528 p.).
3. Avtonomova N. S. *Otkrytaya struktura: Yakobson – Bakhtin – Lotman – Gasparov* (Open structure: Jacobson – Bakhtin – Lotman – Gasparov). Moscow, 2009. 503 p.
4. Pelipenko A. A. *Iskusstvo v zerkale kulturologii* (Art in the mirror of culturology). St.-Petersburg, 2009. 318 p.
5. Ankersmit F. R. *Sublime historical experience*. Stanford, 2005. 481 p. (Russ. ed.: Ankersmit F. R. *Vozvysshennyi istoricheskiy opyt*. Moscow, 2007. 612 p.).
6. Spiegel G. M. Hystory and post-modernism // *Past and Present*, 1992, vol. 135, pp. 194–208.
7. Guseva I. I. *Strategii istoricheskogo issledovaniya: filosofsko-epistemologicheskii analiz* (Strategy of historical research: the philosophical and epistemological analysis). Saratov, 2006. 110 p.
8. White H. *Metahistory: the historical imagination in nineteenth-century Europe*. Baltimore, 1973. 464 p. (Russ. ed.: Uayt Kh. *Metaistoriya: istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka*. Ekaterinburg, 2002. 528 p.).
9. Kravchenko S. A. *Sotsiologiya moderna i postmoderna v dinamicheski menyayushchemsya mire* (Sociology of modern and postmodern in a dynamically changing world). Moscow, 2007. 264 p.
10. *Ekonomicheskaya teoriya v XXI veke – 1(8): Ekonomika Postmoderna* (Economic theory in the XXI century – 1 (8): The economy of the postmodern). Moscow, 2004. 752 p.
11. Gumbrecht H.-U. Ledyanye obyatiya «nauchnosti», ili Pochemu gumanitarnym naukam predpochtitelnee byt «Humanities and Arts» (The icy embrace of «scientific», or Why the Humanities is preferable to be «Humanities and Arts»). *Novoe literaturnoe obozrenie* (New literary review), 2006, no. 81, pp. 7–17.

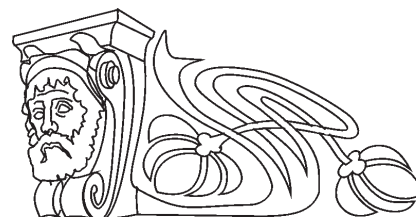
УДК 87.6

ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД К ПОНЯТИЮ «ОБРАЗ»

Попов Дмитрий Николаевич –

аспирант кафедры философии, Ярославский
государственный университет имени П. Г. Демидова
E-mail: dmitrii_popov_1991@mail.ru

В статье анализируются история понятия «образ» и разные подходы к использованию этого понятия в современной науке. На основе этого формулируется определение понятия «образ» в рамках интегративного подхода. В связи с особенностями современной цивилизации подчеркивается актуальность данного подхода. Основой подхода является феноменология – философия Э. Гуссерля. Инструментарий феноменологии – феноменологическая редукция – позволяет выделить разные уровни образов. Ядром образа является дескрипция, поэтому уровни образов определяются уровнем дескрипции. Обращается внимание на то, что образ воздействует на уровень сознания воспринимающего субъекта в соответствии с акцентами на определенных уровнях дескрипции образа. Таким образом, статья представляет интерес для теории поведения и социальных наук.

Ключевые слова: образ, интегративный подход, феноменология, дескрипция, сознание.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-1-39-43

Человек с древних времен строит свои представления об окружающем его мире, основываясь на образах. Между тем сама концепция понятия «образ» в течение времени складывалась, изменялась и уточнялась [1, 2].

Знание в форме образа естественно усваивается, легко для понимания и отражает глубинное мировоззрение человека, систему его ценностей,